

Любовь Макарова

СТРАННЫЙ СОН

Рассказы

Я исчезла, растворилась, потерялась, заблудилась... Хотя последние два слова относились уже не ко мне, а к тому существу, которое выскочило из меня и, разразившись неистовым воплем, понеслось сломя голову через проезжую часть. Фонари тускло перемигивались в зябкой мартовской стыни и равнодушно взирали на ползающие под ногами тени. Но что-то было не так... Не так, как обычно, и это «что-то» вызывало дискомфорт и страх. Я огляделась по сторонам: полуразвалившаяся скамейка, покосившийся столб, когда-то служивший основанием стола, валяющиеся окурки, смятая пачка из-под сигарет и тень... Моя? Тень шевелила ушами, виляла хвостом и поджимала мерзнущую на морозе лапу... Поверить в это было невозможно, и я засмеялась, заливисто, от души, дерзко и вызывающе, потому что поняла, что сплю, и все, что происходит — часть моего сна! Тень покрутила головой, попробовала поймать свой хвост и завертелась волчком, смешно виляя задом. Я захохотала от восторга, потому что осознавать, что ты одновременно спишь и бодрствуешь, было странно, но безумно интересно. Так не бывает! Но так было...

На мой смех из подворотни выбежали четыре лохматых пса и с негодованием наскочили на мою тень. Потеряв равновесие, я растянулась в обледенелой луже и ощутила, как острая боль обожгла бок. Оказаться под грудой рычащих разгоряченных борьбой тел было непривычно, нелепо, жутко, дико... Меня стошнило от внезапного испуга и смрадного дыхания этих тварей. В горле застрял клок вонючей шерсти, в глазах потемнело, и мне показалось, что я умираю... Изю всех сил я закричала, моля о спасении, но к своему ужасу услышала душераздирающий собачий вой! «Я же теперь... собака...», — пронеслось у меня в голове, а что делают в таком случае псы, я не знала. Отчаянно сопротивляясь, я уже не замечала укусов и боли и по инерции, как бы со стороны, глядела на озверелых псов. Силы были неравны, и я предчувствовала скорую развязку. И тут внезапно меня кольнула мысль: я же человек! Как я могу лежать посреди грязной заплыванной лужи и терпеть всю эту мерзость? Это же сон и только! Сейчас я очнусь от кошмара, попью воды и посмеюсь над своими страхами...

Но кошмар не заканчивался, а из перулка, наперерез несущимся машинам, бежали другие собаки. Предвкусная драка, они азартно лаяли на пролетающие мимо машины, соревнуясь с ними в беге. И тогда я, дико взвизгнув и выскользнув из кучи беснующихся хвостов, клыков и непонятно чего еще, зарычала и вцепилась в первое попавшееся ухо. От неожиданности лохматое чудовище по-щенячьи заскулило и в испуге отпрыгнуло в сторону.

Скрип тормозов, ледяющий душу всхлип, вой мотора... Все случилось так быстро, что я даже не поняла, что произошло. Укушенный мною хромой вожак непроизвольно выскочил на проезжую часть, а через мгновение, дергающийся в конвульсиях, катался по асфальту, щедро поливая его фонтанирующей кровью. Страшно подумать, но именно это и спасло мне жизнь.

Я еще сидела, всклокоченная, грязная, ничего не понимающая, как вся стая снялась с места и, слабо подвывая, бросилась врассыпную. Чей-то теплый нос ткнулся мне в бок, призывая к действию, и, не отдавая себе отчета, повинувшись инстинкту самосохранения, я приняла приглашение и засемила за своим новым *другом*.

Странно, но впервые это слово открылось мне во всех своих смыслах одновременно, означая и обещая и спокойствие, и защиту, и надежду... Мы бежали по темным улочкам, перепрыгивая через слабо застывшие канавы, по подворотням и еле намеченным тропинкам, по осевшим грязным сугробам, по свалкам... Бежали целую вечность. И мне казалось, что конца не будет этому марафону. Я не чувствовала ни своего тела, ни попадавшихся камней — только острый запах тревоги.

Впереди показались деревья, сваленный в кучи мусор и что-то еще. Разобрать было трудно из-за набегавших слез и непонятно откуда взявшейся слюны. Дико хотелось пить, и я нагнулась к первой попавшейся луже и жадно стала лакать мерзлую воду. Странно, но никакого неудобства я не испытывала. Боковым зрением улавливала свое отражение в черной воде, ощущала легкий парок от взмысленных боков и, четко сознавая, что я не собака, а человек, с наслаждением лакала грязную воду. Мой спутник, а это был именно он, в чем я ни капли не сомневалась, нетерпеливо переминался с ноги на ногу и торопил коротким поскуливанием. Бежать дальше оказалось выше моих сил: все тело саднило и горело, как в огне. Я еле добрела до кучи с прелой листвой и в изнеможении рухнула на мокрую постилку. Остальное помню смутно: кто-то подталкивал и тормозил мое безвольное тело, потом лег рядом и согревал своим теплом. Казалось, нет ничего важнее этого спасительного тепла, все остальное стало мелким и незначительным. Мне снились кошмары, и я никак не могла от них очнуться. Все время мучительно хотелось пить, и я вспоминала какие-то слова из прошлой жизни, очень важные... И никак не могла вспомнить...

Я еще не открыла глаза, как поняла, что чего-то не хватает, что-то изменилось с тех пор, как я боролась со смертью и победила. Я еле разлепила слипшиеся веки, и дневной свет безжалостно ослепил мои привыкшие к мраку глаза. Яркая вспышка — и вдруг я вспомнила ту ужасную ночь и поняла, чего мне не хватает... Рядом не было спасительного тепла, и мое тело почти окоченело от холода. Я лизнула запекшийся от крови бок и тихо заскулила от боли. Желудок резко сжался и потребовал пищи, перед глазами поплыли желтые круги. На негнущихся лапах я подползла к оттаявшей луже и, пытаясь потушить бушевавший внутри

пожар, стала лакать ледяную воду. И вдруг я ощутила знакомый запах, от которого хвост помимо моей воли задрожал и начал выписывать невообразимые кренделя. Из зарослей вышел поджарый на длинных мускулистых лапах дог. Он был с ног до головы облеплен грязью и держал в зубах славно пахнущий сверток. О том, что там хот-дог, я догадалась мгновенно и, не успев опомниться, потрусила навстречу. Он положил добычу к моим ногам и отошел поодаль, как бы рассеивая мои сомнения: делиться добычей не нужно, он сыт. Но это было не так. Я видела, как подрагивают его ноздри от сладковатого запаха снеди, как дрожат его худые бока и нервно вздрагивают мускулы, но не могла остановиться. Это было выше моих сил. Когда с обедом было покончено, он медленно подошел, лизнул сверток и... улыбнулся. Я все поняла без перевода: он приветствовал меня и радовался моему спасению! Он лизнул мой бок и, осмотрев рану, остался доволен: опасность миновала.

Так я познакомилась с Томом, моим новым другом. Его имя, как и гордая осанка, были тоже из другой жизни, которая навсегда осталась в прошлом. Ему не надо было рассказывать, что я на самом деле не собака... Он и так это знал.

Когда-то Том жил в большом загородном доме. У него всегда была чистая постилка и вкусная еда, а еще веселый Хозяин — самый лучший, добрый, единственный на всем белом свете! И Том был счастлив, ведь только это и имеет значение для собаки. Конечно, в доме жили еще люди: они готовили и убирали, кормили Тома, гуляли с ним, возились, иногда выпускали в сад, где он носился сломя голову за пролетающими бабочками. Но все равно Хозяином для Тома был Он, которого пес часами ждал в прихожей или в саду. Том даже научился уважать это ненавистное слово «работа», к которому так благоговейно относился Хозяин. А потом все кончилось в одночасье, как будто это был сон или мираж, если переводить с собачьего языка на человеческий.

Летним утром Хозяин и другие люди с хохотом и торопливой возней стали сносить всякую снесь из дома в другой, на колесах, который каждое утро увозил Его на работу. Такое было уже не раз, и Том с предвкушением веселья кинулся помогать им.

На берегу реки люди жарили мясо, купались, и Том с радостью плавал за мячом и следил за Хозяином, который почти не участвовал во всеобщем веселье. Сердце Тома разрывалось на части от жалости к Нему, он то и дело подбегал, поскуливая, к Хозяину, приглашая побегать, но Он оставался равнодушным и только курил, поджав под себя ноги. А потом встал и взял с собой Тома (разве это не счастье!), и они пошли в лес, и Хозяин был необычайно добр к нему: все время что-то говорил и трогал кончики ушей Тома... Это был незабываемый вечер!

Потом они собирались домой и Том с радостью помогал и, как всегда, забрался на заднее сиденье... Потом... Том почти ничего не запомнил... Все как-то странно смешалось, запахло бензином и гарью... Хозяин лежал, запрокинув голову, и спал... К ним бежали какие-то люди, трогали Хозяина, кричали... Белая, страшно воющая машина с мигающим фонарем увезла Хозяина в неизвестном направлении... Напрасно Том бежал следом и долго нюхал тревожный воздух: запах Хозяина исчез навсегда... Он долго скитался по автотрассам, пока, наконец, не нашел свой дом. Может, Хозяин там и давно ждет его? Но в доме жили другие, не знакомые Тому люди, и у них была своя собака — маленький толстый мопс, который даже не посмотрел в сторону Тома...

Так Том стал бездомным. Он долго постигал школу выживания, оказавшись на улице. Потом даже обзавелся «своей стаей» и жил возле городской свалки. Но меня почему-то знакомить с собачьей братией не торопился и разрывался «на два дома». Это я потом поняла, что из меня еще не выветрился «человеческий дух», который в большинстве своем так ненавидели бродячие собаки. Испытав на своей шкуре презрение и зуботычины, Том старался оградить меня от них.

Знакомство состоялось намного позже, когда на мне все заросло «как на собаке» и я почти ничем не отличалась от его бездомных сородичей.

В общем-то, быть собакой оказалось не так уж и плохо, если не считать некоторых гигиенических тонкостей. Зато я теперь знаю, почему четвероногие не любят мыться и вообще боятся воды. Просто при избыточном количестве влаги тело собаки быстро охлаждается, и это чревато даже летальным исходом, потому что перестает вырабатываться тепло, необходимое для жизни. Это как если бы люди ходили по морозу в мокрой шубе и ждали, пока она высохнет сама собой.

Первой меня увидела Картошка — собака неизвестной породы, напоминающая вытянутой мордой таксу и лису одновременно. Она безбоязненно обнюхала меня со всех сторон и, кажется, осталась довольна.

Вообще для собак запах — это основа жизни. Он предсказывает погоду, приносит известия, даже показывает... время. Оказывается, ни одна собака не ошибется во времени суток! Нет, конечно, они не знают его в том значении, как понимают его люди, но приближение рассвета, когда меняется направление ветра и волна свежести прижимается к земле, чувствуют точнее курантов. В это время глубокий сон сменяется чуткой нервной дремотой, хотя со стороны кажется, что собака крепко спит, укутав нос в теплую шубу. Внутренний механизм в совокупности с острым нюхом точно подсказывает, когда открылись мясные лавки, пришли на работу повара чебуречных и общепитов, и где можно без опаски пожить несвежим пирожком.

В веренице прохожих каждая собака без труда «унюхает» того, кто непременно угостит чем-нибудь человеческим. Для бездомной собаки этот жест милосердия несоизмерим ни с одним куском парной свинины, слязненной у зазевавшегося продавца, потому что каждая из них в глубине души, прикрываясь ненавистью и презрением к человеку, все равно ждет... Чего? Каждая своего... Знака внимания, взгляда, легкого прикосновения, подачки, в которой все это объединено в одно целое... И конечно же, каждый беспризорный пес мечтает обрести свой дом и быть кому-то нужным, потому что они острее людей чувствуют свою отчужденность. Каждый несет в своем сердце клеймо БЕЗ-ДОМНОГО и переживает его по-своему...

Картошка никогда не жила в доме и не имела Хозяина, но и у нее была своя мечта. Когда-то ее еще щенком сбила машина, и от слабости и потери крови она, наверное, умерла бы... Слабому на улице ни за что не выжить, тогда лучше и не родиться... Но Картошке повезло: ее подобрал охранник автостоянки и долго выхаживал. Впервые она узнала ни с чем не сравнимый вкус печеной картошки, за что и получила свою кличку. Картофельное детство закончилось, когда на место охранника пришел новый человек... Но на всю жизнь она запомнила ласку и запах печеной картошки, который навсегда слился с образом Хозяина...

Мне кажется, что я вообще до этого момента не знала жизни, как будто и не жила. Оказывается, главное — это «быть своим» в стае. Тогда

тебе — почет и уважение в соответствии с собачьей иерархией, доля при разделе добычи, сухое место во время ночлега и защита в случае нападения. Почти как у людей. Только честнее и справедливее. Все это ты получаешь не в довесок к своему экстерьеру, породе, силе, а «по понятиям». Но что это такое — человеку не объяснишь, нужно хотя бы день побыть в шкуре бездомной собаки...

Кажется, теперь я понимаю, почему собаки ненавидят кошек, хотя в другой жизни не чаяла в них души... Оказывается, они по-другому пахнут. Как бы сразу сигнализируют: я — чужой! А для пса «чужой» — это враг номер один. Все члены стаи должны одинаково пахнуть, иначе ты — изгой! Это закон, которому подчиняются все без исключения.

В стае нас было девять хвостов, и у каждого своя роль и своя судьба... Дрыщ, нелепый долговязый кобель, весь в репьях и шрамах, был всегда спокоен и миролюбив. Его мечта и смысл жизни были сосредоточены на одном единственном существе, живущем в соседнем доме напротив. Дело в том, что Дрыщ был влюблен... И каждое утро задолго до Ее появления, притырив лакомый кусочек, терпеливо ждал утреннего молчания. Она выходила, заспанная, с припухшими ото сна раскосыми глазками и вальяжно и гордо проплывала мимо в сопровождении эскорта из хозяйки и прислуги, либо одной хозяйки, либо одной прислуги. Это была роскошная сука породы королевский пудель по кличке Белль. Она осторожно пронесла мимо Дрыща свое выхоленное, надушенное собачьим парфюмом тело, а бедный Дрыщ обливался слезами восторга и умиления, глядя на нее во все глаза. Он нервно теребил куриную косточку или свиную шкурку и переливчатым поскуливанием обращал на себя внимание. Но Белль капризно-кокетливо тянула поводок и не замечала настырного ухажера. И так дважды в день. Ничто не могло в это время отвлечь его или заставить покинуть пост. Том снисходительно относился к его слабости, поэтому зуботычин от других членов стаи Дрыщ почти не получал, хотя нередко был рассеян, как любой влюбленный.

В тот вечер нам необычайно повезло: Пегий и Мозг в чебуречной раздобыли целый пакет с фаршем и устроили пир. У собак вообще не бывает условностей. Все предельно четко и конкретно. Понятий типа «потом», «где-то», «как-то», «с кем-то» вообще не существует, поэтому мы вмиг смолотили добычу и готовились к новому набегу. Если честно, то для меня, еще не забывшей вкус свиных котлет, эта трапеза была пыткой, лишь притупившей чувство голода. Том знал, что мне просто необходима человеческая еда, но возвращаться к чебуречной было нельзя, несмотря на сытое место, которое Том с таким трудом отбил у Хромого, погибшего под колесами такси в тот злополучный вечер. Я лучше знала повадки людей и понимала, что это может быть опасно. Ведь для человека все собаки «на одно лицо», и люди никогда не будут разбираться, кто украл пакет с фаршем — Пегий, Мозг или Том...

Но Том решил рискнуть, как я ни просила подождать хотя бы до закрытия общепита, потому что тогда можно легко получить кусок черствого чебурека или даже сосиску. Во время «охоты» вся стая рассредоточена по своим наблюдательным постам. Все были на месте, кроме Дрыща.

Том не спеша подошел к киоску, задрав голову, заглянул в окно и униженно «попросил милостыню». Это было невыносимо, потому что у собак благородства больше, чем у людей. Это я теперь точно знаю...

Из киоска показалась сытая физиономия, расплывшаяся в улыбке, которая не сулила ничего хорошего. Том это понял, но убежать не спешил,

в душе надеясь: «А вдруг...» Мне бы закричать тогда, броситься под ноги, даже укусить, но Том взглядом показал, чтобы мы уходили. На «охоте» приказ вожака — закон, и непослушание карается очень сурово... Но я ведь не собака! Почему я об этом забыла? Как я могла? Хотя сделать было уже ничего нельзя, даже у собак все предопределено...

Четверо здоровых мужиков с лопатами окружили Тома. Зажатый в кольцо, он просто стоял и открыто, не таясь, глядел им в глаза. Наверное, что-то все-таки покорило их, задело за живое. Они увидели в глазах Тома то, что сами давно утратили. Грязно выругавшись, крупный мужчина замахнулся на Тома лопатой в надежде, что он испугается и закроет глаза, но Том стоял как вкопанный и взглядом не отвел... И тогда я, не помня себя от отчаяния, кинулась к ним, туда, где стоял Том... Мой крик заполнил все пространство, заглушив даже базарную брань. Я неслась, чтобы закрыть, защитить, спасти...

Я обнимала обмякшее тело Тома и видела, как из него по капле вместе с кровью уходит жизнь, смотрела в его живые глаза и гладила твердые мускулы, худые бока... Я хотела успеть сказать Тому что-то важное, нужное, но слова не шли с языка, судорогой сковало горло. Мне хотелось выговориться, оправдаться перед ним, ведь он почему-то спас меня... Почему? А я не смогла, не сумела... Том осторожно лизнул мою руку... Руку?.. Да, я, кажется, опять обрела человеческий облик. Хотя это слово имело теперь для меня совсем другой смысл. И я, как в агонии, повторяла одно и то же слово: «Почему-у-у-у?»

Том поглядел на меня тускнеющим взглядом, и я скорее поняла, чем услышала ответ:

— Ты просто пахла... Как мой Хозяин...

МИШКА

Был у нас бык. Не теленок, не бычок, а именно бык. Почти тонна живого веса! Громадина! Поначалу мы боялись выводить его на пастбище. А вдруг как вздумает «поиграть», кто его удержит? Разнесет все в пух и прах! Но он оказался на редкость спокойным и покладистым. Дал себя спутать (на всякий пожарный случай мы приняли меры предосторожности) и, очевидно сознавая свою мощь и силу, степенно пошел за мамой на луг. Семена позади для страховки, я слышала, как гудит земля под ногами нашего исполина.

На лугу, сплошь усыпанном золотистыми одуванчиками, над которыми деловито гудели пчелы и порхали пестрые бабочки, он сначала огляделся, словно любуясь весенним благоденствием, шумно понюхал воздух, смешно морща курносый нос, и неспеша принялся за трапезу. Пасущаяся поблизости живность пришла в неопишное волнение. Коровы начали реветь, телята нарезали круги в радиусе отпущенной веревки, флегматичные овцы — и те прекратили жевать и тупо уставились на нашего богатыря. И только Мишка миролюбиво пощипывал сочную травку, скромно опустив длинные ресницы долу.

С этих пор мы водили нашего тихоню без опаски, даже не спутывая. Он просто шел вальяжно впереди, а мы за ним следом. Не поспевая, мама кричала ему: «Миш, ну не так быстро! Я за-пыха-лась...» Он останавливался и, опустив голову, терпеливо ждал. На мамины охи-вздохи Мишка мотал головой, смешно морщил нос, выдыхая воздух через ноздри, словно извинялся. Прости, мол, не рассчитал, исправлюсь...

Однажды в полдень я пришла поить нашего гиганта. «Мишка, попей холодненькой. Жарко!» — я поставила ведро недалеко от него. Но он с упоением «бодал» одинокую яблоню и, казалось, не замечал ничего вокруг. «Наверное, веревку сильно отпустили. Надо подвязать, а то длинная слишком», — подумалось мне при виде такой картины, и я подошла к привязи. Веревки никакой не было... «Так он отвязался!...» — душа ушла в пятки.

— Безобразие! Распустили монстров, каких свет не видывал!

Я прямо обомлела от неожиданности. Подняв глаза, увидела сидящую на яблоне нашу соседку.

— Управы на вас нет! Для каких таких целей быка держите? Чтобы он вместо собаки на людей бросался?

Я повернула голову и увидела, как из нашего колодца показалась голова соседа. А из кустов выглядывала другая голова и тоже источала ругательства.

— Извините, не бойтесь! Он у нас смиренный... — оправдывалась я. — Ведь правда, Миш, ты у нас воспитанный и спокойный?

Словно соглашаясь со мной, Мишка закивал кудрявой башкой и показал длинный шершавый язык, норовя лизнуть в доказательство справедливости моих слов.

— Вы ведь не сердитесь? Ну-ка, Мишка, проси прощение, негодник! — я потянула за веревку, а саму колотил озноб. Шутка ли, это ж не кто-нибудь, а самый настоящий племенной бык! Недаром по астрологическому календарю пальма первенства по праву принадлежит ему. Даже Тигр боится и потому не любит Быка, что тот победил его, когда звери мерились силой.

Мишка задрал голову, с силой выдохнул воздух и уморительно сморщил нос, чем привел в неопишуемый восторг публику, метавшую громы и молнии минуту назад:

— Вы его что, дрессируете?

— Умный какой, а!

— Надо же! Скотина, а понимает...

К осени он едва помещался в нашем сарае. Нам не удалось пристроить его на ферму в качестве племенного производителя. «Слишком большой... Не прокормим такого...» — ответ был однозначен. Напрасны оказались мои слезы и мамины увещевания о Мишкиной непритязательности. «Как можно отправить такую умницу на мясо?! Это же преступление!» — не унималась я. Но держать его дома не было никакой возможности. Вердикт был вынесен окончательный. Но тут неожиданно встал вопрос с транспортировкой: как перевезти его на другой конец села? Не пешком же!

Обычно это делается так: теленка или корову привязывают к телеге с лошадьёю и не спеша ведут позади повозки или везут на кузове трактора. Но все шоферы и конюхи, которых мама приглашала пособить нашей беде, бежали как от огня, едва взглянув на такого пассажира: «Да он вдребезги разнесет и трактор, и телегу, и кобылу, и нас впридачу!» Объяснять обратное было бесполезно — не верили ни в какую. Прием скота проходил в три дня, за которые нужно было успеть оформить документы, прибыть к месту назначения, предварительно взвесившись...

Мама, не теряя надежды, предлагала деньги, магарыч, но даже за такое, по тем временам, богатство никто не соглашался нам помочь. Лихие 90-е эхом прокатились по всей стране. Надо было как-то выживать,

выкручиваться... В нашем сельском магазине в то время полки были пустыми, изредка завозили хлеб. Талоны за несколько месяцев лежали неотваренными.

Не дождавшись ниоткуда помощи, мама махнула рукой: «Пошли, Миш, сами... А что делать?» Он поглядел на нее и, словно взвесив свои возможности, согласно закивал головой. Со слезами всей семьей мы провожали нашего атланта за ворота. Как всегда, по привычке, он первым пошел по дороге, а мама следом. Он как будто знал, куда надо идти, лишь изредка останавливаясь, чтобы подождать заливавшуюся слезами маму...

Еще два дня ходила она проводить своего любимца, кормила, приносила лакомство — горбушку с солью... Возвращалась с заплаканными глазами, опустошенная, нервная: «Лучше с голоду умереть, чем так мучиться...» И с тех пор зареклась навечно держать дома какую бы то ни было живность.

МИТЬКА ВАЛЯНАЯ БОРОДА (Незатейливый рассказ со слов деда)

Мой дед по вечерам, когда за окнами лежали сугробы до самого подоконника, после духмяного чая из разнотравья, который бабушка заваривала особым способом, рассказывал невыдуманные истории из жизни — что из детства запомнил, как на охоту ходил — и, конечно же, сказки, которые я слушала, затаив дыхание. Это был особый ритуал. Я запрыгивала к деду на колени, разглядывала его узловатые неразгибающиеся пальцы на руках, трогала шрамы и тихонечко так канючила:

— Ну расскажи, де-да... Расскажи!

— Да что рассказывать-то? — притворно сердился дед.

— Что-нибудь... Сказку или про охоту-у-у...

— Да я дюже уморился нынче, — кричал дед и укладывался на кровать.

— Но язык-то у тебя не уморился! Он же ничего не делал! Пусть рассказывает! — я хитро прищурилась и примазивалась рядом.

Дед откашливался, закрывал глаза и степенно начинал свой рассказ...

Жил когда-то в нашем селе мужик-горшечник по прозвищу Митька Валяная Борода. Бороденка жиденькая, лошадь дрянная, телега скрипучая, а у самого — ни кола ни двора. С утра до ночи ездил Митька по селу на захудалой кляче:

— Кому горшки-и-и-и! Кому горшки-и-и-и!

Менял товар на тыкву, картошку, хлеб — а случалось, и на деньги. Тем и кормился.

А под горой пан жил, дюже богатый и потому злой. То урожай у крестьян вытопчет, то оброками задушит. Много натерпелось от него мужики, а на рожон не лезли, мирились, значит, с его прихотями. Нередко и Митька оказывался у пана в немилости. Привезет он товар к пану на двор, а тот начнет цену сбивать — да все горшки и переколотит.

Случилось как-то Митьке в жаркий летний день через речку на другой берег переправляться. А моста тогда еще и в помине не было. Остановил он клячу, дал ей напиться и видит: что за чудо! Бежит ему навстречу... верблюд! Пот с него градом катится, а на горбе баба с малым ребя-

тенком сидит, спит как будто. Упал верблюд перед Митькой на колени и взмолился человеческим голосом:

— Выручи меня, мил человек! Такая оказия со мной приключилась...

Смекнул Митька, что перед ним сам черт, но виду не подал. А случилось вот что...

В воскресный день убралась баба к родне в гости сходить, а они на той стороне жили. Подошла к реке. Дите в руках держит, а в воду ступить боится: вода студеная. Думает в сердцах: «Хоть бы меня черт, что ли, на другой бок перенес!» Откуда ни возьмись — верблюд, здоровый такой, лохматый. Встал перед ней на колени и говорит: «Садись на меня верхом. Я тебя в один мах перенесу!» А баба не робкого десятка была, сообразила, что к чему, уселась между горбами и поехала. Перенес ее черт на ту сторону, а баба притомилась на солнышке и сомлела. Тепло ей, хорошо да мягко! Черт и так, и сяк — ни в какую! Пустился он тогда бежать — по горам и долам, чуть к облакам не поднимается, а баба как сидела, так и сидит, не шелохнется. Он пуще прежнего стал бегать, уже совсем из сил выбился, баба во сне губами перебирает, вроде как шепчет: «Вот бы сюда маманю, папаню, да братку, да сестрицу, да мужика моего...» У черта аж ноги подкосились! «Ее одну еле-еле уже таскаю, а она всю родню свою на мой горб пристроить хочет!» Сорвался с места и опять побежал пуще ветра, да толку никакого. А тут Митька на берегу коня поит. Взмолился черт, стал сулить золотые горы, только бы от ноши такой избавиться... Пожалел Митька черта, что ж, хоть и нечисть, а все одно мучается живая душа — жалко. Говорит ему:

— Садись на колени и глаза зажмуривай, я тебе помогу.

Сделал черт все, как Митька ему велел. А тот взял кнутовище да и вытянул им бабу во всю спину. Она спросонья и не поняла, что случилось. Ойкнула только, схватилась — и деру! Черт не поверил своему счастью... Поклонился Митьке в ноги да и говорит:

— Я от своих слов не отказываюсь. За твою услугу сделаю тебя богатым и славным человеком. Только слушай меня внимательно и запоминай. Под горой пан живет — ты его знаешь. Побегу я сейчас к нему, заберусь на шею и стану душить. А ты поезжай домой и объяви всем, что ты теперь не горшечник, а лекарь. Вызовут тебя к пану, а ты соглашайся. Пошепчи что умеешь — пан и выздоровеет. Только бери за работу мельницу да денег в придачу...

Сказано — сделано! Свалил Митька свои горшки под берег и убрался восвояси. Повязал голову кушаком и объявил себя лекарем. Долго ли, коротко ли, приехали от пана к Митьке люди: «Просим, де, пожаловать к пану. Ему недужится: ни пить, ни есть не может... Помогите. Ты, сказывают, лекарь у нас теперь...»

Митька, недолго думая, собрался, взял мешочек кое с какими травами и поехал. Видит Митька: пану совсем плохо. Глаза под лоб закатил, того и гляди дух выпустит. Митька думает: «Пусть пан дюжей помучается...»

Говорит родне:

— Дайте мне пук овса, макитру с водою, и будем ждать вечера.

А пан уже на последнем издыхании, пена изо рта хлопьями валится. А это черт на нем сидит и ногами на шею давит (кроме Митьки, понятно, его никто больше не видит). Взял тогда Митька макитру, пошел в амбар, насыпал туда песка, под насестом помета куриного собрал, размешал и велел пану испить малость. А остальным окропил пана со всех сторон.

Макает пук овса и на пана воду льет, как поп на водосвятии, а сам при этом с умным видом себе под нос шепчет:

— Пы-пы-пы, пы-пы-пы, пы-пы-пы! Пы-пы-пы!

Покропил так, походил для важности сколько нужно, а у пана тем временем щеки порозовели, взгляд прояснился... Через время глядят — пан в память вошел, языком заворочал. Увидел Митька, что черт отпустил его, и прекратил свое действие. Стал пан спрашивать Митьку о награде, тот, как его черт учил, и выпалил:

— Да мне, ваша панская милость, самую малость надобно. Мельницу вашу, что на реке стоит, да деньжонок... Хочу, ваша панская милость, избу срубить да амбарчик и все, что к подворью прилагается...

Услышал пан такие речи, ногами затопал, чуть не задохнулся от гнева. А черт тут как тут. Прыг ему на шею и ну душить пуще прежнего. Пан уже еле языком ворочает, хрипит, задыхается, а Митька стоит спокойненько и ухом не ведет.

— Все от-да-ам! — хрипит пан. — Только избавь меня от этой напасти-и-и.

— Так и быть, — отвечает Митька, — только если обманешь, больше помощи от меня не жди.

Пошептал опять Митька что там по обряду положено, «излечил» пана и болезнь его и стал ждать награды. Поскрипел пан зубами, а что делать, пришлось все отдать, как договаривались. А черт на ухо шепчет Митьке:

— В соседнем селе тоже пан проживает... Я побегу к нему, а ты не плошай, когда приедут об исцелении просить, бери лошадей, коров, овец и про деньги не забудь...

«Вылечил» Митька и этого пана, и другого, из соседней волости. Получил подарки дорогие, мошну набил, что и сказать нельзя.

— Ну, теперь я тебе не нужен больше. Ты и без меня теперь не пропадешь. Только бери втридорога. Бедняков не пользуй. Деньги в рост давай под большие проценты. Да меня почаще поминай! Так-то!

Сказал это и исчез, будто его никогда и не было.

И пошла с тех пор про Митьку Валяная Борода слава славная. Всяк к нему идет: и старый, и малый. Забогатель Митька, хоромы отстроил, подворье завел. Жену себе хорошую взял. Лечил всех без разбору. Соседям помогал. Кто в долг попросит — не отказывал. Отдадут — хорошо, нет — и не спрашивал.

Церковь хорошую отстроил, богомазов, говорят, из столицы выписал. А для черта эти дела ох как не по нутру пришлись. И решил он тогда наказать Митьку, что тот слова не сдержал и договор их нарушил.

Обратился в старца хромого да немощного и стучится под вечер к Митьке. Тот в горницу проводил гостя, напоил, накормил, постель пуховую постелил. Ест черт угощение, а сам недоволен хозяйской щедростью. Пренебрег Митька его мудростью...

Наутро Митька повозку снарядил добрую, запасов всяких на дорогу положил, меду, воды налил и, как дорогого гостя, в путь отправил.

Через какое-то время черт обернулся старушкой-слепушкой и стучится под окном к Митьке. Тот ее обогрел, глаза промыл, спать уложил. Наутро нажарил-напарил и в дорогу снарядил. Денег дал и повозку в придачу. Заскрипел черт зубами пуще прежнего, аж искры посыпались.

Так и ходил к нему не раз и пастухом, и калекой, и нищим... Всех Митька принимал, никого не обидел. И вот пришел к нему самим собой. Встал у ворот и глядит, что будет. Митька и ему почести оказал. А черт

недоволен. Его, благодетеля, со всеми вместе поравнял! Деньги на бродяг транжирил... Стал черт Митьке пенять, не забыл и про обиду кровную — церковь. И говорит Митьке такие слова:

— Долго я терпел, но больше не буду. Жить тебе осталось до завтрашнего утра. Ночь, так и быть, живи, а наутро — ты мой!

— Хорошо, — отвечает Митька, — будь по-твоему.

А сам лег на лавку и захрапел. А черту не спится. Не терпится ему с Митькой рассчитаться. Еле дождался утра.

— Пойдем, — говорит черт Митьке, — в сад, там и смерть примешь.

— Ладно, — говорит Митька, — только вот найду одну вещицу, не помню, куда она запропастилась.

— Какую вещицу? — любопытствовал черт.

— Да кнут помнишь?

— Как мне его забыть! Помню, конечно... Только зачем он тебе?

— Да, как же, — отвечает Митька, — баба тут та ходит — тебя ищет. Сейчас вот зайти обещала.

Только черт услышал эти слова, его как ветром сдуло. И больше его у нас на селе не видели.

А Митька еще долго жил, людям помогал, никого не обижал, а когда помер, поставили ему памятник высокий и всяк сожалел потом... Хороший был человек — Митька Валяная Борода.

*МБОУ СОШ №51,
г. Воронеж*

